

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МЕЙЕР – ОТЕЦ РУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Вступительное слово к тому 1 «Д.И. Мейер. Избранные труды»

В сентябре 2019 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Дмитрия Ивановича Мейера (1819–1856). Мейер широко известен в юридических кругах как «отец русского гражданского права», как автор учебника, который и через 150 лет широко используется в вузах, а также как создатель первых в России, как он сам их называл, «юридических клиник», нацеленных на правовую помощь нуждающимся в этом гражданам. Однако читателям, менее осведомленным в хитросплетениях права, которые, как тешит себя надеждой автор этого очерка, также могут взять в руки эту книгу, все эти слова могут показаться восхвалениями давно ушедшего человека.

Чтобы более объемно взглянуть на результаты творчества мыслителя, прожившего всего-то 36 лет, необходимо увидеть их в культурно-исторической перспективе от первой половины XIX века до наших дней. Именно это мы и попытаемся сделать в этом очерке, к слову, разделенному на две части, соответствующие данному двухтомному изданию.

Практически всю свою сознательную жизнь Дмитрий Иванович провел в период правления императора Николая I (1825–1855). Наиболее емкую характеристику этому периоду дал современник Дмитрия Ивановича известный историк С.М. Соловьев (1820–1879): «Начиная с Петра до Николая просвещение народа было целью правительства, все государи сознательно и бессознательно высказывали это; век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные следствия невежества в раскольниковстве, в суевериях. ...По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства; университеты подверглись опале; Россия предана была в жертву преторианцам; военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять и способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде; имел ли он какие-нибудь способности, знания, опытность в делах — на это не об-

рашалось никакого внимания. ...Это была воплощенная реакция всему, что шевелилось в Европе с конца прошлого века: на лице Николая всякий легко мог прочесть страшные «мани, факел, фарес» для России: «остановись, плесней, разрушайся!»¹.

Конечно, речь идет в первую очередь о гуманитарных науках. Сам император имел неплохое инженерное образование и даже поучаствовал в меру сил в таких проектах, как железная дорога Москва — Санкт-Петербург, модернизация морских фортификационных сооружений столицы, строительство Пулковской астрономической обсерватории, и даже основал Технологический институт в Петербурге.

А вот философские кафедры были закрыты во всех университетах страны, поскольку «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Автор закавыченного утверждения министр народного просвещения А.П. Ширинский-Шихматов настаивал на том, чтобы впредь «все науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием». Предшественник Шихматова граф С.С. Уваров, разработчик идеологии официальной народности («Православие, Самодержавие, Народность»), посмевавший робко возражать против таких нововведений, был уволен оскорбительным письмом, которое заканчивалось так: «Надобно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе»².

Политический класс России был травмирован декабристским мятежом (1825), Польским восстанием (1830—1831), вероломством австрийского императора Франца-Иосифа, которого Россия фактически спасла, подавив венгерскую революцию (1849), недружелюбным отношением ряда европейских стран к так называемому Восточному вопросу³ и поддержке Россией православных христиан Османской империи. Однако наибольшую панику при дворе вызвала французская революция 1848 г.

«Повелитель перепугался, перепугался самым глупым образом, как только он один мог перепугаться. ...Перепугалась его глупая жена, перепугались все его унтер-фельдфебели от той же самой причины и глупости, по невежеству вообще и незнанию России в особенности. Думали, что и у нас сейчас же вспыхнет революция. Рассказывали, что

¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей, и если можно, для других. Гл. XVI. (http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html).

² См.: Янов А.Л. Россия и Европа. 1462—1921. В 3 кн. Кн. 2. Загадка николаевской России. 1825—1855. М.: Новый Хронограф, 2007.

³ Борьба России за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, а также расширение империи, продвижение на Кавказе и в Средней Азии.

императрица, возвратившись с прогулки по петербургским улицам, с удовольствием говорила: «Кланяются! Кланяются!». Она думала, что петербургские чиновники вследствие изгнания Людовика Филиппа перестанут снимать шляпы пред особами императорской фамилии. Но Петербурга еще не так боялись, боялись особенно Москвы; с часу на час ждали известий о московской революции. Но все было тихо; опомнились, посмеялись над страхом своим и поблагодарили русский народ доверенностью за преданность и усердие? Ничуть не бывало! Тут-то Николай и его креатуры показали всю мелочность и гадость своей натуры; они озлобились, начали мстить за свой страх, обрадовались, что в событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не стал скрывать своей ненависти к профессорам, этим товарищам-соумышленникам членов французского собрания»¹.

В итоге придворной элитой был взят курс, который в наше время мемов и хештегов звучал бы как «Россия не Европа». Возникло мощное идеологическое движение «славянофилов», утверждавших особый исторический путь России вне европейской цивилизации, без всяких свободных крестьян, просвещения, конституций, независимых судов и прочих европейских «штучек». Результатом этого курса стала полная политическая изоляция России, поставившая ее на грань катастрофы по итогам Крымской войны (1853–1856).

Профессор Московского университета С.П. Шеврев, развивая упомянутую идеологию «православие, самодержавие, народность», в концентрированном виде сформулировал отношение «славянофилов» к Европе: «В наших сношениях с Западом мы имеем дело с человеком, несущим в себе злой, заразительный недуг. Мы целуемся с ним, обнимаемся и не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет»². Этот опус вызвал небывалый энтузиазм в придворных кругах.

В общем для российских охранителей нет ничего проще, чем похоронить Европу, — они делали это много раз, начиная с XVI века и по наши дни, но каждый раз слухи насчет ее смерти оказывались несколько преувеличенными.

Понятно, что в такой атмосфере жизнь людей образованных, для которых слово «свобода», практически исчезнувшее из лексикона того

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Гл. XVI.

² Шеврев С.П. Взгляд русского на просвещение Европы // Московитянин. Учено-литературный журнал. 1841. № 1.

времени, по-прежнему значило многое, была непростой. Некоторые отчаивались, некоторые уезжали, но многие старались противостоять официальной идеологии. Практически на каждой университетской кафедре имелись две партии — «славянофилов» и «западников», которые вели между собой непримиримую борьбу, порой выглядевшую мелкими склоками, за должности декана, завкафедрой, ординарного профессора. Подробное описание такого рода разборок: взаимный остракизм, интриги, доносы, подсиживание и т.п. — между профессорами Московского университета можно прочесть все в тех же «Записках» С.М. Соловьева¹, если хватит терпения, конечно. Однако более емкое описание этого явления можно найти у поэта А.К. Толстого, одного из авторов незабвенного «Козьмы Прутоква», в стихотворении «Церемониал»:

Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и других ногти нечисты².
Ибо если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности.
И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.
На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

Не только А.К. Толстой вместе с братьями Жемчужниковыми с иронией относился к идеологическим баталиям того времени. В стороне от этого «праздника жизни» осталась практически вся юридическая общественность. Просто потому, что среди профессоров юридических факультетов и кафедр не было «славянофилов». Ведь юридические начала для них были неприемлемы в силу органических причин³.

Может показаться удивительным, но гонения на просвещение в юридической сфере практически отсутствовали. По крайней мере сведения о баталиях между профессорами-юристами по политиче-

¹ Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — русский историк; профессор Московского университета (с 1848), ректор Московского университета (1871—1877); отец знаменитого русского философа В.С. Соловьева.

² На просторах Интернета, оказывается, даже можно найти ответ на животрепещущий вопрос: почему у тех и других ногти нечисты? Потому что нигилисты («западники») все время занимаются откапыванием похороненной («славянофилами») Европы, а у «славянофилов» всегда кусочек родной земли при себе.

³ Крашенинников П.В. Серебряный век права. М.: Статут, 2017. С. 47.

ским аспектам, а тем более о гонениях до нас не дошли. Наоборот, известно, что многие студенты и выпускники юридических кафедр часто направлялись на стажировку в «умирающую Европу» и возвращались оттуда с полным набором соответствующих идей и знаний. Провозили они их, понятное дело, в голове, а не в чемодане, так что уследить за этим было невозможно. И это при том, что идея правового государства, возникшая во времена Державина и Сперанского, тогда практически угасла¹.

Однако если внимательнее посмотреть на устремления Николая I, этот, казалось бы, парадокс легко можно объяснить. Как писал историк В.О. Ключевский: «Николай поставил себе задачей ничего не переменивать, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости с помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности одними правительственными средствами»².

Он видел свое предназначение в том, чтобы сберечь Россию, ну и сберегал в меру своего понимания.

Идеалом императора было полицейское государство, все институты которого исправно функционируют по законам, дарованным властями. Собственно лозунг «Диктатура закона» — это лозунг полицейского, а не правового государства, целью которого является гармонизация прав и свобод социальных слоев населения и отдельных граждан. Как мы видели раньше³, неукоснительное следование законодательству отнюдь не является панацеей от произвола и вопиющих нарушений прав человека, характерных для тоталитарных государств, что и наблюдалось в XX веке⁴.

В рамках этой доктрины Николай I сумел привести в чувство донельзя расхлябанную еще со времен наполеоновских походов армию, из которой вышло большинство декабристов. Он всерьез пытался бороться с мздоимством (коррупцией) — судебное преследование чиновников за казнокрадство и прочие злоупотребления при нем стали обыденной практикой. Очевидно, он нуждался в четком и конкретном законодательстве, являющемся как бы «инструкцией по эксплуата-

¹ См.: Крашенинников П.В. 12 апостолов права. М.: Статут, 2016. С. 4–14.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904. Лекция LXXXV.

³ См.: Крашенинников П.В. Серебряный век права. М.: Статут, 2017. С. 68–75.

⁴ См.: Крашенинников П.В. Страсти по праву: очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018.

ции» государственного механизма. Не случайно одним из первых его рескриптов было учреждено Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, задачей которого и было упорядочение российского законодательства. Хотя Михаил Михайлович Сперанский формально и не получил официальной должности в этой канцелярии, он стал фактическим руководителем осуществленной в конечном итоге работы. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что это был уже не тот Сперанский — активный идеолог правового государства, разделения властей в рамках конституционной монархии, выборности ключевых должностных лиц государства. Теперь это был ярый сторонник самодержавия. Тем не менее его предложение подготовить гражданское уложение царю не понравилось. Чуть позже он повелел создать Свод существующих законов с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в их существе¹. Как уж получилось — это вопрос другой, но задача ставилась именно так.

Действительно ли Сперанский скрупулезно выполнил волю императора или все-таки кое-что позаимствовал в иностранных, в основном французских, правовых актах — до сих пор остается предметом спора правоведов. Однако, как бы то ни было, гигантская работа, которую предполагали осуществить все императоры начиная с Петра I, была осуществлена, и в 1833 г. были утверждены Полное собрание законов и Свод законов Российской империи. Это одно из немногих деяний Николая I, с которым он вошел в историю в позитивном ключе. Следует отметить, что император лично докладывал указанные законы на Государственном Совете.

Однако в России отсутствовала система подготовки кадров, способных понимать суть позитивного законодательства и оперировать им. Для этого требовался совершенно иной склад мышления, нежели тот, которым обладали российские чиновники. Так что волей-неволей приходилось и привлекать иностранных юристов, и обучать свои кадры за рубежом. По настоянию Михаила Михайловича Сперанского лучших выпускников учебных заведений, получивших юридическое образование, направляли в Европу для продолжения обучения.

Вот здесь-то и постигла Николая I та самая оказия, которая случалась со многими правителями России, как бы они ни назывались, и до и после него. Будучи людьми европейски образованными и цивилизованными, они все-таки не понимали того, что нутром чуяли «славянофилы».

¹ См.: *Крашенинников П.В.* 12 апостолов права. М.: Статут, 2016. С. 50–53.

Внедрение каких бы то ни было достижений европейской культуры, будь то современные технологии или государственные институты, для своих внутренних нужд может привести к двум результатам. Либо лишенные своей социокультурной среды они превратятся в дорогую и диковинную вещь, предназначенную для демонстрации приятелям, коллегам и родственникам, а могут быть в ряде случаев и предметом насмешек. Либо станут центрами роста этих самых социально-политических веяний, которые правители как раз и хотели бы избежать. Петр I хотел воспитать высококлассных мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина¹. Николай I хотел создать класс послушных винтиков государственной машины, а породил развитое законодательство и партию кадетов, которая не только далеко продвинула идеи правового государства, но и сыграла существенную роль в свержении самодержавия. Значительную часть этой партии как раз и составляли юристы — теоретики и практики, мыслители и политические деятели.

Дмитрий Иванович Мейер и стал одним из первых этой плеяды выдающихся российских юристов, которые так много сделали для продвижения идей права в России².

Дмитрий Иванович (Дитрих-Иосиф Иоганнович) Мейер родился 1 (13) сентября 1819 г. в Санкт-Петербурге в семье потомков португальских евреев, проделавших наряду со многими своими соплеменниками скорбный путь исхода из католических стран, в основном Испании и Португалии, где бушевали инквизиция и антисемитизм³, в толерантные страны Северной Европы — сначала в Голландию, затем в Данию. Л.И. Петражицкий связывал этот исход евреев с существенным снижением торгового потенциала католических стран и с его возрастанiem в Голландии⁴.

Дед нашего героя — купец Абрам Мейер переехал в Россию, где, как известно, хоть и риску больше, но и возможности гораздо шире, чем в стабильных европейских или американских государствах. Кому как не предпринимателям об этом знать? В 1799 г. Абрама постигло

¹ Вейдле В.В. Умирание искусства. Три России. С. 58 (<http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vejdle-vladimir-vasiljevich/umiranie-iskusstva/6>).

² В.Д. Набоков, С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич, В.А. Маклаков (см. в кн.: Крашенинников П.В. 12 апостолов права. М.: Статут, 2016. С. 81–142); В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, А.С. Яценко, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий (см. в кн.: Крашенинников П.В. Серебряный век права. М.: Статут, 2017. С. 29–55, 70–102).

³ См.: Жозе Эрману Сарайва. История Португалии. М.: Изд-во «Весь мир», 2007.

⁴ См.: Крашенинников П.В. Серебряный век права. М.: Статут, 2017. С. 102.

несчастье — потерпел крушение корабль, в том числе и с его грузом. На Кронштадтском рейде во время сильного ветра на «него наехал идущий из Кронштадтской пристани военный корабль и висающим якорем проломил его столь сильно, что он тот же час принужден был потонуть со всем грузом»¹.

Абрам Мейер обратился за помощью к императору Павлу I, но не за материальной компенсацией, а с просьбой устроить судьбу его сыновей в России. В итоге отец нашего героя Гартвиг Иоганн и его брат Осип были обращены в лютеранскую веру, чтобы иметь возможность жить и работать в столице, и приняты в число придворных музыкантов².

В 1814 г. Гартвиг Иоганн женился на Шарлотте Вульф. У них были две дочери и трое сыновей. Семья быстро обрусела, и для детей Гартвига и Шарлотты русский стал родным языком. Родители очень гордилась старшим сыном Дитрихом-Иосифом, называя его «семейным сокровищем» и «Дмитрием казанским». Умер Гартвиг Мейер 26 марта 1867 г., надолго пережив своего знаменитого сына³.

В 1834 г. Дмитрий оканчивает вторую гимназию в Санкт-Петербурге и там же поступает в Главный педагогический институт. Здесь он обучается преподаванию юридических наук, которые в это самое время начинают отсчет своего бурного развития, поскольку в 1833 г. Свод законов Российской империи был одобрен Государственным Советом, а в 1835 г. Свод законов вступил в силу⁴.

Окончив институт (1841) с золотой медалью, «по плану Сперанского» он едет на стажировку в Германию, в Берлинский университет. Прекрасно владея языками, Дмитрий Иванович изучает гражданское право Германии, Франции, Австрии и, конечно же, Римское право. Слушает лекции и наставления немецких профессоров, из которых, безусловно, стоит выделить и «великого учителя римского права» Фридриха Карла фон Савиньи⁵, а также его последователя Георга

¹ РГИА Ф.13. Оп. 2. Д. 167.

² См.: Синкевич Г.И. Дмитрий Мейер — сын придворного музыканта // Доклады 71-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета. СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2015. С. 35—40.

³ См.: Синкевич Г.И. Указ. соч.

⁴ 19 января 1833 г. Свод законов Российской империи, состоящий из 15 томов, и Полное собрание законов Российской империи, состоящее из 45 томов, были одобрены Государственным Советом. См.: Крашенинников П.В. Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 225—229.

⁵ См.: Гольмстен А.Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность // Мейер Д.И. Русское гражданское право: Чтения, изданные по записям слушателей / Под ред.

Пухту¹. Наряду с юридическими науками также изучал философию и историю.

Более чем двухгодичная стажировка молодого ученого не смогла не сказаться как на образе его мыслей, так и на его мировоззрении. Присущий Мейеру аналитический склад мышления значительно развился в результате постижения глубин права. Идеи правового государства, уже тогда доминировавшие в Европе, научили его с уважением относиться к правам и свободам граждан независимо от их социального положения.

Как и для любого образованного русского человека, существование крепостного права в России было для него самой болевой точкой. «...Я верю в близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, в ком есть человеческое сердце, невольно сознает всю нелепость крепостного права. ...Вникните глубже и вы увидите, что вас смущают ненормальные отношения к крепостным: вы переросли такое положение вещей, вы уже не в состоянии примириться с этим. Для вас должно быть ясно, что крепостным необходимо дать свободу, но одного сознания и чувства еще мало — на вас, на вас первых лежит обязанность облегчить участь ваших крестьян, а, если сбудется мое предчувствие, и, наконец, поднимется вопрос о крепостных, вы первые должны стать в ряды их защитников и, каждый на своем месте, помогать торжеству справедливого дела»², — так напутствовал Мейер выпускников своего курса в 1849 г.

Дмитрий Иванович не дожил до окончательной отмены крепостного права, однако фундамент этой отмены был заложен во времена правления Николая I. Указами императора помещикам запретили самовольно ссылать крестьян на каторгу, продавать их поодиночке и без земли, а самим крестьянам разрешили выкупать себя и свои семьи из продаваемых имений, владеть землей, вести предпринимательскую деятельность. Крестьяне перестали быть собственностью помещика,

А. Вицина. С испр. и доп. А.Х. Гольмстена. Изд. 10-е. Пг., 1915. С. I—II. Фридрих Карл фон Савиньи (21 февраля 1779 г. — 25 октября 1861 г.) — выдающийся ученый, государственный деятель, работал министром юстиции Пруссии; более всего известен по работам по гражданскому и римскому праву. Главные труды: «Право владения» (1803), «Обязательственное право» (1876), «Система современного римского права» в восьми томах (1840—1852).

¹ См.: Гольмстен А.Х. Указ. соч. С. III. Георг Фридрих Пухта (31 августа 1798 г. — 8 января 1846 г.) — немецкий юрист, последователь Ф. Савиньи, представитель исторической школы права.

² Назарьев В.Н. Жизнь и люди былого времени // Исторический вестник. 1890. Т. XLII. С. 719.

а стали прежде всего подданными государства, которое защищало их права, что являлось одной из функций Третьего отделения. Крепостное право связывало помещика и крестьянина отношением к земле, с которой теперь нельзя было просто взять и согнать крестьян. Помещики могли по добровольному соглашению с крестьянами уступать им свои земли в постоянное наследственное пользование на раз однажды установленных условиях. Зато помещик освобождался от обязанностей, какие на нем лежали по владению крепостными, от ответственности за их подати, от обязанности кормить крестьян в неурожайные годы, ходатайствовать за них в судах и т.п.¹ Таким образом, возник институт натуральной ренты, который в какой-то мере гарантировал крестьянам ряд базовых прав.

Указом «Об обязанных крестьянах» была осуществлена глубокая реформа управления государственной деревней. Всем государственным крестьянам были выделены собственные наделы земли и участки леса. Были учреждены вспомогательные кассы и хлебные магазины, которые оказывали крестьянам помощь денежными ссудами и зерном в случае неурожая².

Не случайно в качестве темы своей пробной лекции в Главном педагогическом институте в январе 1845 г. Д.И. Мейер выбрал «Гражданские отношения обязанных крестьян». Он чутко уловил, что происходящие изменения в положении крепостных крестьян ведут к значительному расширению сферы применения частного права, а значит, к тектоническим изменениям в российской экономике. И это должно быть отражено в правовых актах.

Лекция прошла успешно, и он был направлен в Казань в Императорский университет, где и стал тем самым Дмитрием Ивановичем Мейером, которого сегодня знает весь мир. Здесь он становится преподавателем, профессором, а затем и деканом юридического факультета знаменитого и по сегодняшний день Казанского университета.

С первых же шагов на преподавательском поприще обнаружился совершенно иной склад мышления Дмитрия Ивановича Мейера по сравнению с доминировавшим тогда способом подачи материала профессорами-юристами. Молодой преподаватель видел гражданское право в качестве стройного, логически выстроенного предмета, в то время как студентов заставляли просто заучивать Свод законов.

¹ См.: *Ключевский В.* Курс русской истории. СПб., 1904. Лекция LXXXV.

² См.: *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.; М., 1926–1928. Т. 10. С. 296, 297.

Вновь прибывшему «исправляющему должность адъюнкта» по кафедре гражданских законов пришлось начинать с приема экзаменов у студентов, уже прослушавших курс гражданского законодательства. «Мейер, после первых же ответов, догадался о методе преподавания и потому старался испытывать студентов не в том, что они заучили ко дню экзамена, но степень понимания и развития мышления в своих будущих слушателях. Это и казалось неопытным юношам в профессоре придиричивостью и желанием сбивать». В итоге большинство студентов получили неудовлетворительные оценки. Им было предложено прослушать этот курс заново¹.

Методика чтения лекций, принятия экзаменов и общения со студентами молодого преподавателя была настолько необычной для тех времен, что сначала испугала студентов и его коллег, но впоследствии сблизила их с Дмитрием Ивановичем до дружеских отношений. Профессор А. Гольмстен, со ссылкой на студентов, указывал на то, что, «сядая на кафедру, он удивительно спокойно излагал свой предмет, изложение было столь цельное, законченное и отделанное с внешней стороны, что записывать становилось не только возможно, но и легко. По уверению позднейших его слушателей, стоило надлежащим образом записать его лекцию, и она оказывалась готовой хоть для печати; наилучшие в литературном смысле места впоследствии изданного курса его суть те, в которых удалось слово в слово записать изложенное с кафедры, — никакой литературной обработки не требовалось. Читал он лекции без конспектов, что уже само собой и без удостоверения лиц, близко знавших его, указывает на то, что к каждой лекции он тщательно готовился»². Студенты узнали «такое гражданское право, о котором еще дотоле не имели понятия, тем более что в наивном убеждении им и не представлялась эта наука иначе, как смесью разных статей, подведенных под известные отделы»³, — писал студент Дмитрия Ивановича, впоследствии известный историк и академик Императорской академии наук, профессор Петр Петрович Пекарский⁴.

¹ См.: *Пекарский П.П.* Студенческие воспоминания о Д.И. Мейере // Братчина. СПб., 1859. С. 209–211.

² *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 19.

³ *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 211.

⁴ Пекарский Петр Петрович (19 (31) мая 1827 г. — 12 (24) июля 1872 г.) в 1847 г. окончил юридический факультет Казанского университета; историк, литератор. Самые популярные работы: «Наука и литература в России при Петре Великом» в двух то-